

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Иван Татаренко

Кабул - Баграм - Кабул

«Автор»

2026

Татаренко И.

Кабул - Баграм - Кабул / И. Татаренко — «Автор», 2026

Прямое продолжение семейной саги «Внуки Характерников» — но теперь голос переходит к правнуку Характерников, двадцатилетнему связисту Ивану Татаренко, попавшему в Афганистан в первые месяцы войны, в феврале 1980 года. Это не батальный роман, а честные, местами горькие, местами неожиданно смешные записки очевидца: секретный узел связи у дворца Амина, дедовщина, контрабанда и чёрный юмор как способ не сойти с ума, дружба, которая выживает там, где не выживает почти ничего другое. Взгляд изнутри на войну, о которой в СССР официально предпочитали молчать. Документальные мемуары автора о собственной службе в Афганистане.

© Татаренко И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ОГЛАВЛЕНИЕ	6
ГЛАВА 1	8
КАБУЛЬСКИЕ РАССКАЗЫ	8
ПАРТИЗАНЫ	10
НА СОПКАХ	11
СУХАРИ	13
МЯСО	15
ТОПЛИВО («ОРАНЖЕВЫЕ»)	16
«ГАДОСТИ» КОПРЮШИНА	18
ПУЛИ-ДУРЫ	20
БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ (ИЛИ ОПЯТЬ КОПРЮШИН)	23
НА РЮКЗАКЕ	25
ГЛАВА 2	28
«БАГРАМСКИЕ РАССКАЗЫ»	28
«ПОРЫВ»	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Иван Татаренко

Кабул - Баграм - Кабул

КАБУЛ — БАГРАМ — КАБУЛ

Записки засовца

КНИГА ВТОРАЯ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1	4
КАБУЛЬСКИЕ РАССКАЗЫ	4
ПРИБЫТИЕ	4
ПАРТИЗАНЫ	6
НА СОПКАХ	7
СУХАРИ	8
МЯСО	11
ТОПЛИВО («ОРАНЖЕВЫЕ»)	12
«ГАДОСТИ» КОПРЮШИНА	14
ПУЛИ-ДУРЫ	16
БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ (ИЛИ ОПЯТЬ КОПРЮШИН)	18
НА РЮКЗАКЕ	20
ГЛАВА 2	23
«БАГРАМСКИЕ РАССКАЗЫ»	23
ДУРНОЙ ПРИМЕР	23
«ПОРЫВ»	24
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ»	26
КЛИПТОМАНИЯ	28
5-45 И 7-62	30
ЗЕМЛЯК	32
НА «ГУБЕ»	35
ФУТБОЛ	40
ПОВАР-ДЕСАНТНИК	42
«ДУШМАНСКИЙ ПОДАРОК»	42
ДУРЬ	43
ИДИОТЫ (ЖЕЛТУХА)	46
ДИЗЕНТЕРИЯ	48
БРОШЕННЫЕ	49
ГЛАВА 3	57
КАБУЛЬСКИЕ РАССКАЗЫ-2	57
СНОВА ДВОРЕЦ АМИНА	57
ПОЕЗДКА В КАРЬЕР	58
МИНЫ	60
СВАЛКА	61
БАТАЛЬОННЫЙ СТАРШИНА	62
НЕ СУДЬБА	65
ЗУБЫ	67
В «СЕКРЕТЕ»	70
«МОЛОДЫЕ»	72
«НУН-ЧАКИ»	75
ШУРИКИ И Я	77
ДВА ПЬЯНИЦЫ	80
БАНЯ	81
КРЫСЫ	81
МОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ	85
«НОВЫЙ ГОД»	86

ВАРЕНЬЕ 88

СТО ДНЕЙ ДО ПРИКАЗА 89

СУД 91

ПОСЛЕДНЯЯ ПОДЛОСТЬ КАПИТАНА КОПРЮШИНА 92

«ДЕМБЕЛЬСКИЙ АККОРД» 93

«ДЕМБЕЛЬ» 95

ЭПИЛОГ 98

ГЛАВА 1

КАБУЛЬСКИЕ РАССКАЗЫ ПРИБЫТИЕ

Наш Специальный узел связи был сформирован в Ростове-на-Дону, в первых числах февраля 1980 года — года Московских Олимпийских игр. Всего двенадцать человек: два офицера, два прапорщика, пять солдат-связистов и три водителя. Мы знали, что едем в Афганистан, но говорить об этом запрещалось. В Ташкент летели гражданским рейсом, от Ташкента до Термеза — поездом. Всю дорогу пили: офицеры — коньяк, прапора — водку, а мы, «срочники» — дешёвую красную бормотуху. У семерых из нас было по девять месяцев службы, и лишь один отслужил двенадцать. Он хоть и считал всех салагами, но вёл себя тихо, особо не выделяясь. В Термезе, в каком-то сарае, перед нами выставили ящик с автоматами и ящик с патронами, раздали штык-ножи и сухой паёк. Всё это мы разобрали без лишних формальностей, даже не записав в военные билеты номера оружия. Наш командир — худой, сутулый капитан Копрюшин объявил, сверкая маленькими очками Берии: «Через час вылетаем в Кабул!» Летели с военного аэродрома на большом «пузатом» транспортном самолёте Ан-12. Набилось человек триста. Я сидел спиной к иллюминатору, держа кого-то на коленях. Летели минут сорок. Краем глаза я видел сплошные горы, покрывавшие неизвестную землю. Приземлились нормально. Из открывшейся задней стенки самолёта дохнуло февральским воздухом. Чужое яркое солнце ослепило своим отражением от лежавшего повсюду снега. Небо было очень синее, без облаков. Пахло весной и зимой одновременно.

Выгрузились. Построились согласно списочному составу — каждое подразделение отдельно. Замполит, лейтенант Ложкин, произнёс речь, в которой отметил, что мы, представители советского народа, прибыли в Демократическую Республику Афганистан для оказания братской помощи «их» революции. Начальник «узла» капитан Копрюшин не упустил случая подчеркнуть свою личную значимость, отметив, что согласно уставу имеет право применить против нас оружие в случае невыполнения его приказов. Это соответствовало действительности, так как мы находились в боевой обстановке, а проще говоря — на войне.

Надо сказать, что наш «суровый командир» в Союзе был настоящей канцелярской крысой и служил по продовольственной линии. Он понятия не имел ни о какой связи, тем более о такой секретной, как наша.

В Афганистан Копрюшин напросился за досрочным получением нового звания и за деньгами, зная наперёд, что наше подразделение никогда не пошлют на боевую операцию. С одной стороны, мы его презирали, с другой — нам было наплевать, лишь бы кормили и не убили.

Намного приятнее было подчиняться замполиту. Скромный, невысокий, худощавый парень, недавно закончивший училище, старался выглядеть намного старше своих лет. Видя это, мы, солдаты, поддерживали его как могли — и хорошими шутками, и чётким выполнением приказов.

Стоя в строю посреди лётного поля, я вдруг увидел трёх бородатых мужиков в деревенских фуфайках-душегрейках. «Мужики» молча покуривали самокрутки. Автоматы висели на их плечах дулом вниз — в каждом по два скреплённых синей изолентой магазина с патронами. Прикладов у автоматов не было. Из-за этого они напоминали обрезы, а сами мужики — «кулаков» времён Гражданской войны.

Это были «партизаны». Они входили в Афган первыми, ещё в январе. Их автоколонны шли через перевал Пули-Хумри, неся страшные потери от снайперов, подрываясь на минах,

попадая в засады. Тем не менее «партизаны» обеспечили плацдарм для основных сил группировки, взяв под охрану аэродром и другие жизненно важные объекты.

Увидел партизан и Копрюшин.

— Вы кто такие? Немедленно уйдите отсюда! — грозно протыкал он, хотя обычно говорил тягуче низким голосом, как удав в мультфильме «33 попугая». «Мужики» продолжали стоять, молча разглядывая нас. В их глазах я увидел отцовскую жалость к пацанам, не нюхавшим пороха, увидел понимание ненужности этой только-только начавшейся войны, а также облегчение, граничившее со вздохом, что наконец-то их сменят и они вернутся к своим семьям.

— Я сказал, уйдите отсюда! Что за вид?! — Копрюшин сделал шаг в сторону мужиков.

— Пошёл ты... — спокойно ответил один из них.

Копрюшин побагровел. Он стоял, не зная, что предпринять. Выручил один из наших прапорщиков:

— Да это партизаны, товарищ капитан. Не связывайтесь.

Копрюшин посмотрел на прапора, потом на партизан и наконец понял, с кем имел дело и чем ему грозит ссора с людьми, не раз смотревшими смерти в глаза.

— Ладно... Ещё встретимся... — процедил он сквозь зубы и обратился к нам:

— Всем двигаться к выходу с аэродрома, — и первым зашагал прочь, вскидывая, как цапля, худые ноги.

Вскоре за нами пришёл крытый брезентом тупоносый грузовик. Попрыгав в кузов и рассевшись вдоль бортов, мы с интересом уставились в незакрытую заднюю часть машины, наблюдая за жизнью неизвестной цивилизации. Военный «газон» нёсся по Кабулу, изредка притормаживая на узких улочках. В местах торможения к машине со всех сторон бросались дети. Они бежали следом, некоторые в лохмотьях, босиком по снегу, протягивали к нам руки с зажатыми в них бутылками водки, игральными картами, сигаретами и на чисто русском языке кричали:

— Шурави! Что хочешь?! Ёп твою мать! Покажь, что есть! Дай что-нибудь!

Мы таращились на них в полной растерянности. Тогда ещё не зная, что им не нужны наши деньги, а нужно наше «что-нибудь» — любой кусок дерева, любая железка, тряпка, еда... — всё равно. В этой стране не было ничего, хотя, как мы узнали позже, достать можно было всё.

«Боже мой, — думал я, — какое счастье, что мне довелось родиться в Советском Союзе, а не здесь, в этой нищей полуфеодальной стране, где маленькие дети бегают за нашими машинами, выпрашивая что-нибудь».

Подняв со дна кузова какой-то кусок резины, кажется от автомобильной покрышки, я кинул его бежавшей ораве. Толпа остановилась, и дети вдруг начали драться за добычу, крича уже на своём языке.

Через час мы уже прибыли к месту нашей первой дислокации — в полк связи, расставивший свои палатки среди гор, в непосредственной близости от дворца Амина. Дворец стоял, зловеще зияя дырами после недавнего штурма десантников. Изредка из окон вылетали светящиеся трассы пуль крупнокалиберного пулемёта. Они уносились вдаль, в сторону гор, где, по сведениям разведки, находились «душманы» — бандиты-повстанцы, с которыми нашей армии предстояло воевать долгих десять лет, проливая реки своей и афганской крови.

ПАРТИЗАНЫ

В полку нас ждали. На станциях связи сидели «партизаны». Они никому не подчинялись, кроме своих командиров — таких же угрюмых мужиков, как и они сами. Это была армия в армии. Жили «партизаны» тут же — в машинах, изредка вылезая за едой или по нужде. Мысленно все они уже были дома и не хотели словить шальную пулю перед самой отправкой на Родину.

Один из них, будучи холостым, умудрился выменять себе «хануму», то есть жену. Не знаю, что он отдал взамен в одном из дальних кишлаков, но тем не менее получил в вечное пользование афганскую женщину в парандже. Прятал он её на автостанции, где сам дежурил круглые сутки. А когда пришла пора возвращаться в Союз, не придумал ничего лучше, как отправить её обратно к родственникам в кишлак. Родственники обратно «товар» не приняли, а привезли «хануму» в полк и пошли к командиру. «Полкан» был в шоке, когда понял, в чём дело. Только после долгих переговоров стороны пришли к консенсусу. Полк откупился от афганской «родни» четырьмя колёсами от «ЗиЛа» и маленьким электро-бензоагрегатом, дающим 220 вольт в течение часа при заливке в него ведра любого бензина. «Партизана-холостяка» наказать не удалось, так как к этому времени он был уже далеко — в Ташкенте.

Бывали истории и покруче. Например, продажа душманам танка, который взорвался вместе с новым экипажем на первой же вылазке против наших войск. Или ночная стрельба одуревших от усталости и нервов партизан-часовых по всему, что движется, невзирая на правильно названный пароль. Или оставшиеся в одних подштанниках десять молодых офицеров, прибывших из ГДР, чья палатка сгорела ночью за сорок секунд от брошенного пьяным «партизаном» окурка.

Всё это очень напрягало кадровый командный состав и мешало выполнению поставленных Москвой боевых задач. Поэтому, как только в полк прибывали «срочники», их сразу же подселяли к «партизанам». Те быстро вводили своих сменщиков в курс дела и отбывали на Родину. Постепенно служба наладилась. ЧП стало намного меньше, хотя не без этого. То в одной, то в другой палатке иногда раздавались выстрелы. Это неопытные в обращении с оружием солдаты случайно стреляли во время чистки автоматов то в небо, а то и в товарища, сидящего напротив. Были и «самострелы». Их быстро вычисляли и, несмотря на увечья, отправляли на Родину — в тюрьму или в дисбат. Но отправляли-то их в Союз, на родную землю, где они, в конце концов, оставались жить после отбытия наказания, — в отличие от честно выполнявших свой долг на чужой земле, на ненужной войне, тысяч и тысяч других молодых парней.

НА СОПКАХ

И так мы прибыли в полк. Дело шло к ночи, и нас быстро пристроили в одну из сорокаместных солдатских палаток. Офицеры и прапорщики ушли к своим, а мы завалились на свободные железные койки прямо в шинелях и тут же уснули. Утром, построив нас на склоне одной из сопки, капитан Копрюшин приказал выкопать яму размером два с половиной на два с половиной метра в периметре и в один метр глубиной. Замполит объяснил, что углубление в земле необходимо, чтобы установить четырёхместную палатку, в которой нам, солдатам, предстояло жить ввосьмером. Погода была волшебная. Светило яркое тёплое солнце, но снег не таял. Ветра не было вообще. Мы приняли от прапорщика лопаты и стали копать. Постепенно то один, то другой снимали с себя лишнюю одежду. К концу работы все были с обнажёнными торсами. От тел валил пар. Хотелось встать на лыжи и съехать с холма, как когда-то в детстве. Работали без надзора командиров — они ушли в полк ставить нас на довольствие. Поэтому, когда мы сняли штаны, оставшись в одних трусах и сапогах, остановить нас было некому. Устроив своё будущее жильё, мы разлеглись на шинелях, впитывая горный загар. Толик Шахарьянц — вылитый Пётр Первый, только лысый и в пилотке, — величественно стоял, зажмурив глаза, дымил вонючей сигаретой. Голос прапорщика вернул его с небес на землю:

— Шахарьянц! Ты что выставился? А вы, тюлени, чего разлеглись? Вас генерал в бинокль из штаба разглядел! Сейчас он Копрюшину с Ложкиным кол в жопу вставляет!

Быстро одеться! Собрать вещи и спрятаться в палатку! Вы на войне, а не на курорте! Сегодня обустраивайтесь, ставьте буржуйку, получайте на кухне провиант, а завтра я лично вами займусь. Я вам не офицер, а товарищ прапорщик. Между прочим, кандидат в мастера спорта по боксу. Враз мозги на место поставлю!

Его широкая грудь при среднем росте и бешеные глаза на красной круглой морде говорили нам, что «прапор» не врёт. Он ушёл, матеря нас последними словами, а утром появился в голубой летней тельняшке. Наколки на его бицепсах говорили о службе на флоте. Как он стал сухопутным связистом, оставалось загадкой.

— Выходи строиться! — заорал он дурным голосом. — Форма одежды — полная выкладка! Вместо шинелей всем надеть бушлаты! Не забудьте подсумки с магазинами!

Когда мы, похожие на медведей, построились, звеня оружием и котелками, прапор на полном серьёзе заявил:

— Будем тренироваться, брать высоту! Кто остановится — получит в лоб! Обещаю. За мной, бегом марш! — и бросился к ближайшей сопке. Мы за ним. Бежать надо было метров пятьсот. Прапор бежал, рисуясь, играя мышцами. Мы громыхали следом, обливаясь потом, но тщательно экономя силы. Ноги едва приподнимали, расслабленно кидая вперёд мелкими шажками. Дышали носом. Всё, как учили в учебке в Ростове. И это дало свой результат — курящий и пьющий прапор-боксёр «сдох» у самого подножия горы. Было видно, как ему тяжело. От повышенного давления морда стала пунцовой. Пот лился градом. Он задыхался, кашлял и хватался за сердце.

— Построиться в шеренгу! — прохрипел он, едва переводя дух. — Засакаю время. Ваша задача — добраться до вершины за семь минут. Считаю по последнему. Не уложите — начнёте сначала. Приготовились, марш!

Мы ринулись наверх. Сопка была не очень высокая. Камней на склоне было мало, и мы без труда поднялись за семнадцать минут, а не за семь, как было приказано. Прапор внизу орал благим матом, тратя последние силы. Мы же, добравшись до вершины, нашли несколько маленьких окопчиков и устроились в них на длительный перекур. Курили минут десять. Прапор совсем выдохся и заглох.

— Толян, глянь вниз. Он к нам не думает подниматься? — спросил я Шахарьянца. Толик вытянул гусиную шею, выглядывая из-за бруствера окопа.

— Иван, он вообще ушёл.

— Ну и правильно. Тоже мне, альпинистов нашёл. Мы связисты-специалисты, но не альпинисты. Нас беречь надо!

— Смотрите, смотрите! — вдруг закричал маленький рыжий Коля, шофёр со смешной фамилией Россомаха, указывая рукой куда-то вдаль, в сторону видневшихся гор. Там, примерно километрах в пяти от нас, поднимался чёрный столб дыма, расползавшийся по небу рваной кляксой. Некоторое время мы заворуженно вглядывались, пытаясь понять, что горит.

— Бензовоз горит. Духи подожгли, — угрюмо просветил нас Сашка Иванов, прослуживший в Союзе на полгода больше, чем мы. — А ещё я слышал, ночью душманы (моджахеды-бандиты) семьдесят человек в каком-то полку вырезали, пока те спали. Так что не расслабляйтесь, салаги, а то домой без башки вернётесь, ха-ха.

Докурив свои сигареты, мы начали спуск. Прапора нигде не было. Он действительно ушёл, махнув на нас рукой. Вообще-то он мужик был неплохой. Видно, капитан Копрюшин приказал поиздеваться над нами в отместку за вчерашний загар. Ну что ж, прапорщик приказ выполнил, но мы на него не в обиде, даже где-то благодарны — будет что вспомнить в старости и нам, и ему.

СУХАРИ

Поселившись в восьмером в четырёхместной палатке, мы зажили своей фронтово-тыловой солдатской жизнью — жизнью связистов-засовцев, ожидающих спецтехнику из Союза. В караулы, наряды, на боевые операции нас не брали. Этим занимались десантники и войска другого рода. Харчевались мы в полку связи. Там, на одном из холмов, стояла полевая кухня и автобудка-склад. В «кухне» варили еду — месиво из перловки с томатной пастой или клейстер-пюре из картофельного порошка. Мы промеж себя называли это варево «парашей». В будке насыпали сухари — шапка-ушанка на шестерых. Хлебопекарен ещё не поставили, и мы грызли каменные заплесневелые кусочки, макая их в маргарин вместо масла, царапая дёсны и эмаль зубов. Запивали всё это какао-напитком. Когда наступало время принятия пищи, к холму стягивались группы солдат, гремя котелками и чайниками. Повар-узбек с огромным черпаком в руках садился верхом на кухню-бочку и начинал раздачу. Он черпал огромным половником еду и, почти не глядя, вываливал сразу в несколько протянутых котелков, обжигая кому руки, кому головы. Вонь от оранжевого месива стояла такая, что к холму можно было приблизиться, только если ты голодный как собака. Голодными были все. Мы тоже. Поэтому давились, плевались, но ели.

Сухари выдавал маленький азербайджанец. Он делал это медленно, величественно.

— Алик, досыпь. Нас восемь, — просили его.

— Хватят, хватят! Иды давай! Следующий!

Сзади подталкивала очередь, и униженный посланец-представитель своих семерых товарищей вынужден был довольствоваться полученным. Алик не досыпал почти всем.

От нас «за хлебом» ходил маленький безобидный казачок из станицы Староминской Ростовской области — Коля Россомеха. Некоторое время «азер» не обижал его, насыпая как положено на восьмерых — шапку с горкой.

Но вот однажды Коля принёс недосып.

— В чём дело, Коля? — спросил я земляка.

— Сказал, «хватят».

— Ты говорил, что нас восемь человек?

— Говорил. Сказал «хватят».

— Ах, сучок! Ну я ему покажу «хватят»! — меня охватило бешенство. — Зарежу шакала!

Видно, сказал я это от души. Ребята переглянулись, и коренастый белобрысый крепыш-белорус Сашка Кицун вдруг спросил:

— Ваня! Можно, я пойду!

(Надо сказать, что почему-то меня все негласно стали считать «за главного», хотя, клянусь, я совсем к этому не стремился.) Саня на гражданке занимался самбо, имел первый разряд и, как он сам говорил, очень любил заламывать соперникам руки.

— Я, Ваня, быстренько сбегаю. Завыделяется кто — враз руку зломлю!

— Точно. Пусть Кицун сходит, — поддержал его другой белорус Сашка Заяц. — Он разберётся. А мы, если что, поддержим.

— Ну иди. Только аккуратно. Мы будем рядом, — теперь я уже заволновался за своего товарища.

— Господи, Ваня! Я очень аккуратно. На меня в Барановичах возле кафе три милиционера напали. Всем руки позаламывал, — засмеялся Сашка, — правда, я тогда сильно выпивши был. А сейчас я трезвый. Никого не покалечу.

На том и порешили. На следующее утро, когда пришло время идти за завтраком, Россомаха с Кицуном взяли котелки, чайник и отправились на холм. Вернулись они вовремя. Колёк нёс кашу и какао, а Кицун — нераспечатанный бумажный мешок.

— Во! Взял, чтоб не ходить каждый день, — радостно сообщил он, кидая куль в угол палатки.

Россомаха поставил посуду и повалился на земляной выступ, сооружённый нами для сна. Он смеялся, держась обеими руками за живот:

— Ой, не могу, ребята! Ой, Кица дал!

— Чё такое, Колёк? — спросил Толик Шахарьянц, топорща усы-щётки. Россомаха рассказал следующее.

Когда они пришли на холм, Кицун встал в очередь за сухарями, отстоял своё время и протянул шапку Алику-азербайджанцу. Тот, обманутый безобидным внешним видом рыжего белоруса, сыпанул полшапки и небрежно махнул рукой:

— Следующий!

Но Кицун спокойно произнёс: «Ещё».

Алик посмотрел на него с некоторым удивлением, что-то почувствовал и... насыпал доверху.

— Ещё, — снова выдал Кицун, глядя на азера сонными куриными глазками.

Алик сыпанул ещё. Шапка наполнилась с горкой.

— Ещё. За вчерашнее, — в третий раз еле слышно произнёс Кицун.

— Эй, слюшай! Нэ много будэт, а? Давай, проходи! Другим тоже надо.

— Ах ты, жмот дохлый. Для солдат сухарей пожалел? — Кица схватил Алика за шкуру. Никто не понял, как «азер» очутился под машиной, на ступеньках которой сидел, и завопил срывающимся фальцетом:

— Помогите! Убивают! Товарищ прапорщик!

Из кунга-будки выскочил его начальник, прапор-осетин:

— Ты чё, солдат, оборзел?

— Я-то не оборзел. А вот ваш подчинённый нас каждый день обкрадывает. Уже мешок наворовал, — Кица стоял, невозмутимо воткнув руки за ремень, отставив ногу в сторону.

— Да, да! Совсем гад обнаглел! Мало ему сгущёнки, ещё и сухари наши ворует! — заголосила солдатская очередь.

— Тихо, тихо! — поднял руку прапорщик. — Мешок, говоришь, украл? — обратился он к Кицуну.

— Ну где-то так.

— На тебе мешок, солдат. Иди, воюй, только не бузи.

С этими словами прапор демонстративно протянул Сашке запечатанный мешок сухарей.

— Спасибо, — скромно сказал Саня и, небрежно взяв мешок под мышку, вразвалочку двинулся восвояси.

С тех пор никто больше не видел на кухне Алика-азербайджанца. Зато там появились «молодые» солдаты из Белоруссии — земляки нашего Сани. Прапорщик-осетин специально подбирал их для охраны и раздачи продуктов. Видно, Кицун ему понравился...

МЯСО

После визита Кицуна на полковую кухню мы зажили неплохо. Его «молодые» земляки периодически подкидывали нам то крупу, то макароны, то баночку сгущёнки. Ходить на холм за «едой-парашей» мы перестали. Сами варили себе каши и супы в старой кастрюле прямо на буржуйке. Правда, были трудности с топливом — добывали его разными способами, иногда даже с риском для здоровья, воровали у других. Однажды спёрли уголь у только что появившегося подразделения спецназа. Но это отдельная история.

Теперь о мясе. Мяса как такового мы не видели, хотя знали, что на кухне оно есть. В солдатские котелки в основном попадали сало и кости. Мясо встречалось крайне редко, в расщеплённом виде, в пшённой или гречневой каше.

Наш единственный армянин, Толик Шахьянц, лёжа в палатке на земляном спальном выступе, стонал как умирающий лев:

— Мя-а-а-са хочу-у. Хо-чу-у мяса-а-а-а...

Видно, гены его предков требовали своё.

И вот «белорусская разведка» доложила, что замороженные запасы мяса хранятся в специальной будке-кунге на самом краю кухонного холма.

— Ночью пойдём, — сурово сказал я. — Кица, переговоры с земляками, чтоб не подстрелили.

Вечером Кицун доложил:

— Всё. На посту зёма из Барановичей. Подойдём, он отвернётся, мы аккуратно влезем, отрежем кусочек и аккуратно закроем. Там на запоре печать ерундовая. Можно снять и обратно повесить, никто и не заметит.

— Я полезу, — Шахьянц схватил штык-нож.

— Только, Толик, кусочек, а не тушу. Не то зёме плохо будет, — попросил Кицун.

— Ну конечно, Кица. Что ж я не понимаю, что ли?

Ночью, когда февральское афганское небо рассыпалось миллиардами звёзд, мы пошли на дело — я, Кицун и Шахьянц.

К мясному кунгу-складу подползли по заранее намеченному маршруту. Услышав наш условный сигнал, зёма-часовой отошёл от охраняемого им объекта и отвернулся.

— Толян! Саня! Вперёд, я прикрываю.

Две тени — одна двухметровая, сгорбленная, со штык-ножом в зубах, другая низкая, квадратная — бесшумно метнулись к складу. Кица вскрыл замок, не сломав сургуча на печати. Скрипнула створка двери, и Шахьянц исчез в будке. Через пять минут он так же бесшумно выскользнул из неё, держа под мышкой баранью ногу. Кица закрепил обратно печать, махнул земляку, и мы растаяли в ночи.

На следующий день, обжираясь пловом из сечки с бараниной, мы ругали Толика за жадность.

— Ведь сказали же тебе — кусочек, а ты ногу отхватил, — упрекал его Кицун.

— Извини, Сашок, для меня это и есть кусочек. Я ведь обо всех думал.

— Да ладно, парни, — успокаивал их вчерашний зёма-часовой, — меня всё равно куда-то переводят. На кухне больше не появлюсь. А там хрен его знает, кто мясо взял. Может, сами повара и съели.

Мы лопали добычу и шутили над Шахьянцем. Наша ночная вылазка никому не нанесла ущерба, но ещё больше сплотила наш маленький дружный коллектив.

ТОПЛИВО («ОРАНЖЕВЫЕ»)

С топливом было трудно. Я имею в виду уголь и дрова. Ими топили буржуйки. Солярка и бензин на растопку не годились, так как были очень пожароопасны. Любая щепка у местных афганцев ценилась чуть ли не на вес золота. Угольных месторождений у них тоже не было. Поэтому топливо для Советской армии везли из Союза. Каждое подразделение получало столько дров и угля, сколько давали. А давали всегда мало. Частично положение спасала солярка. В поддувало заранее растопленной буржуйки аккуратно ставили плоскую консервную банку, наполненную соляркой. И та, постепенно нагреваясь, начинала гореть. Получалась большая экономия, но палатки от такого изобретения горели чуть ли не каждый день. Стоило баночке с соляркой слегка наклониться или расплавиться — как сразу же вспыхивал огнём, сжиравший брезентовое убежище за сорок секунд. Мы жили восьмером в четырёхместном «шатре». Но это никого не волновало. Топливо выделяли только на четверых. Уголь часто попадался мелкий и мокрый. Он еле горел. Жители палаточного городка прятали его в деревянных ящиках из-под оружия, заноса их в сухие палатки. В общем, берегли как могли. Брёвна же спрятать было некуда. Они лежали на улице, дожидаясь распилки.

И вот, когда в один «прекрасный день» у нас закончились дрова и уголь, мы отправились на поиски в «дальнюю экспедицию» — за ближайшую гору. Отправились вчетвером: я, Кицун, его земляк Сашка Заяц и Толик Шахарьянц. На всякий случай сразу прихватили с собой носилки и штыковую лопату без черенка. До вершины горы добрались без проблем за полчаса. По ту сторону нам открылось странное зрелище. Внизу, у самого подножия, на довольно большой утоптанной площадке, стояли кругом несколько палаток. В центре этого круга два десятка людей в оранжевых костюмах перемещались бегом, кувыркались, что-то кидали в деревянные мишени, боролись друг с дружкой непонятными, замысловатыми приёмчиками.

Было очевидно, что это «наши». Но вот почему они в такой странной одежде? И что за представление устроили среди бела дня?

Мы бы долго гадали об увиденном, но Толик вскрикнул:

— Смотрите, уголь!

Действительно, возле ближайшей палатки чернела огромная куча, несколько брёвен валялись тут же.

— Берём уголь, — скомандовал я, — за брёвнами придём завтра. Кицун, Заяц, вы поменьше — ползите, набирайте. Мы с Толяном вас прикроем, а затем тащим носилки до самого дома.

Белорусы поползли вниз, толкая перед собой носилки. Благополучно добравшись до заветной кучи, быстро накидали лопаткой-совком полные носилки и двинулись обратно. Подъём оказался значительно труднее. Кицун и Заяц, как два краба, тащили за собой добычу вверх в гору. Люди в оранжевых комбинезонах, увлечённые своими играми, заметили наших «альпинистов» только когда те, мокрые и грязные от пота и глины, уже подползали к вершине горы. Со свистом и криками несколько «клоунов» бросились в погоню, но мы с Толяном были начеку — вмиг слетели навстречу белорусам, подхватили носилки и рванули наверх. Сзади, на четвереньках, гребли за нами измученные «бульбаши». Мы перескочили через гребень горы намного раньше, чем туда добрались наши преследователи. Когда они с вершины улюлюкали вслед, мы уже тормозили внизу. Здесь, на «своей» территории, мы были в безопасности. Здесь был наш «цирк».

«Оранжевые» ещё немного покричали и вернулись восвояси.

Добежав до родной палатки со скоростью локомотива, мы быстро высыпали уголь в свой ящик и сели перекурить. Отдышавшись и убедившись, что дело сделано и нам никто не угрожает, призадумались: кто ж такие эти «оранжевые клоуны». Решили узнать у наших прапо-

ров. Те поведали, что это новый род войск — спецназ, созданный для проведения разведки и секретных операций в тылу врага. Набирают в него очень крутых ребят, владеющих разными «фокусами», такими как метание ножей, боевые единоборства, снайперская стрельба со всех видов оружия и так далее и тому подобное. А оранжевые комбинезоны — для тренировок, и сшиты из очень прочной материи. После такой информации мы передумали идти к ним ещё и за бревном, как планировали ранее. Тем не менее, в полку нас зауважали. Шутка ли — украли уголь у спецназа?!

Вскоре пришёл месяц март. Потеплело. Необходимость в топливе для буржеек значительно упала, и солдаты перестали воровать его друг у друга.

«ГАДОСТИ» КОПРЮШИНА

Капитан Копрюшин продолжал делать гадости. Он отдал в полк моего земляка-ростовчанина Серёгу Коженцева, с которым мы заканчивали одну учебку, вместе служили три месяца в гвардейской ракетной бригаде в городе Краснодаре, отбиваясь от пьяных «стариков», и вместе были отправлены «добровольцами» в Афганистан. Цель Копрюшина заключалась в том, чтобы оставить под своим командованием как можно меньше подчинённых. При любом количественном составе мы являлись отдельной военной частью — Специальным узлом связи. Капитан Копрюшин сохранял майорскую должность, что сулило скорое внеочередное звание при минимальной ответственности.

Вскоре подрались Толик Шахьянц и наш единственный «черпак», солдат второго года службы Сашка Иванов по кличке Брат. Сашка был явно не прав. Он заявил о своих привилегиях как прослуживший больше других, за что и поплатился в честном поединке с Толиком один на один. Драка была долгой — на износ. Бились вечером после ужина недалеко от нашей палатки, в небольшом овраге. Толян был чуть крупнее и выше на голову, но Сашка — наглее и резче. Досталось обоим, но первым «сдох» Брат. Мы остановили поединок, не дав Толику окончательно унизить соперника. Всё было ясно — стариковщине на узле не бывать. К сожалению, соседи рассказали Копрюшину о драке, и он откомандировал Иванова, а заодно и безобидного Колю Россомаху в Джелалабад на постоянное место службы. Сашка погиб в рейде, а Коля выжил и вернулся после службы к себе в станицу Староминскую, где мы с ним встретились много лет спустя.

Копрюшин мечтал избавиться и от нас с Толиком, но на его пути встал замполит лейтенант Ложкин, который не только пресёк деятельность злобного упыря, но и сделал ему внушение по партийной линии, будучи парторгом узла. Вскоре наш состав даже пополнился телефонистом Толиком Мосиным из подмосковного городка Ногинска. Внешне вылитый Копрюшин, но меньше в размерах, Толик имел добрейший характер. Воспитанный, интеллигентный и очень порядочный человек, он обожал читать. Читал всё без разбору — газеты, книги, журналы, устав. Видимо, поэтому носил очки, а ещё Мосин любил поспать, растворяясь в своих снах как в фантастическом романе.

Не трогал Копрюшин только шофёров — трёх крепышей-белорусов из города Барановичи. Держались они всегда вместе, как родные братья, готовые на всё ради друг друга. Копрюшин их побаивался — мало ли что, война всё-таки, — но в отношении меня не переставал строить коварных планов, ставил задачу за задачей, надеясь, что не справлюсь. Несколько раз откомандировывал на различные станции связи соседнего полка — то на «релейку», то на ЗАС, а то и вовсе на комбинированный стационарный узел. Но у меня всё получалось. Сказывалась хорошая учёба до армии — в школе, в техникуме, а затем и в ростовской учебке.

И тогда «кэп» решил меня унизить. Он договорился с командиром хоззвода и пристроил нас с Шахьянцем в офицерскую столовую официантами. К большой сорокаместной палатке с белым утеплителем внутри и деревянным настилом под ногами примыкали ещё две поменьше — посудомойка и кухня-склад с продуктами. Нам выдали белые куртки, белые шапочки и заставили разносить еду для «господ офицеров».

Каждый раз, как только наступало время принятия пищи, Копрюшин «вплывал» в столовую, сияя от счастья.

— Татаренко! — кричал он, как в ресторане.

Я выходил из-за занавески и скромно спрашивал, чего он изволит откусать — молочный суп или красный свекольник. Немного подумав, «кэп» изрекал:

— А принеси-ка мне, братец, супчику свекольного. И две порции второго.

Жрал он больше всех. Иногда съедал по несколько порций сразу. Вместо положенной одной четвёртой банки сгущёнки съедал банку, а если были булочки, то набирал с собой. На пользу ему это не шло. Пища, проскакивая по кишкам, быстро превращалась в дерьмо, а он оставался таким же худым и мерзким. Я решил исправить положение своими методами. Все знают, что свиньи толстеют на объедках. Вот я и перевёл Копрюшина на «свинское меню».

Грязную посуду на кухне мыли два «зелёных» бойца с соседнего полка. Одного из них мы с Толей одели в «белые» одежды, и когда Копрюшин затребовал второе, я подсел к баку с отбросами, накидал в тарелку более-менее приличных объедков, полил всё это соусом оттуда же и, вручив блюдо «зелёному», приказал:

— Неси!

— Н-е-е-т! — попятился молодой.

— Неси, неси. Пожелай приятного аппетита, а спросит где я — скажешь, отлучился на склад.

«Зелёный» застыл в нерешительности, но, видя, что я не шучу, а Шахьянц таращит бешено глаза, всё-таки взял тарелку и медленно понёс «кушанье» капитану.

Из-за занавески мы видели, с каким аппетитом Копрюшин уплетал отбросы. Ему понравилось, и он попросил добавки, затем запил всё это компотом, всё из того же бака, и отправился на боковую переваривать съеденное.

Это «пиршество» повторилось на следующий день, и на следующий, и так всю неделю. Я изредка появлялся ему на глаза. Приносил хлеб, посуду, иногда «жратву». Шахьянц в такие моменты выскакивал на улицу, где давился от смеха. «Зелёные» молчали, так как знали, чем им грозит разглашение нашей общей тайны. Копрюшин стал поправляться. Щёки у него порозовели. Внизу появился небольшой висячий животик.

Мы же с Толиком не забыли и о наших братанах-сослуживцах, прозябающих в тесной холодной палатке. Сэкономленные на кормёжке Копрюшина продукты вечером появлялись на столе оголодавших белорусов и москвича Мосина. Со временем хозяйственные «бульбаши» выкопали прямо в палатке маленький погребок, замаскировав его под деревянным настилом, и складывали в него то, что не успевали съесть. Должен признаться, что сэкономили мы не только на Копрюшине. Ящик мороженой рыбы, ящик консервированной кильки в томате, десяток банок сгущёнки, макароны и многое другое осело в тайных «закромах».

Однако однажды пацаны потеряли бдительность. Они начали варить уху прямо возле палатки. Запах пошёл по «городку» и достиг чуткого носа «кэпа». Он застал «бульбашей» за готовкой, смекнул, откуда продукты, и разжаловал нас с Толиком в «посудомои». Мыли посуду, конечно, не мы, а по-прежнему двое «зелёных» из полка. Мы же только делали вид, что пашем не покладая рук. Правда, белые одежды пришлось сменить на синие майки и зелёные резиновые фартуки. От такого безделья и халявной жратвы мы с Толиком тоже начали толстеть. Это не укрылось от зоркого глаза «кэпа». Он хотел «опустить» нас ещё ниже — сделать истопниками полевых кухонь, но вовремя одумался. Кухни топились соляркой и дровами, а это был ценный товар у местного населения, и это могло толкнуть нас с Толиком на какую-нибудь аферу...

Со временем всё утряслось. Копрюшин стал опять есть нормальную пищу и похудел. Мы с Толиком стали иногда мыть посуду, не ведая, что даже здесь, в столовой, возле бака с водой и кружками, мы всё равно на войне, где пуля-дура. И в этом мы очень скоро убедились.

ПУЛИ-ДУРЫ

Однажды, после ужина, мы с Толиком вышли на свежий воздух покурить. Смеркалось... Почти добив сигарету, Шахарьянц толстым как сосиска пальцем «стрельнул» окурок через плечо. Подхваченный ветерком огонёк, пролетев метров пятнадцать, упал на крышу большой палатки хоззвода. Огонёк не потух, а стал разгораться всё ярче и ярче.

— Толик, ты хоззвод поджёг, — сообщил я товарищу, понимая, что палатка обречена.

— Да ладно, Ванька. Какой ещё хоззвод? — Он медленно повернулся и застыл в оцепенении с открытым ртом, глядя, как начинается пожар.

— Прячемся, — скомандовал я.

Мы нырнули обратно в посудомойку. В маленькое окошко было видно, как вспыхнула крыша, а затем и стены хоззводческой палатки. К счастью, в это время в ней никого не было. Брезент сгорел за минуту. Взору открылся деревянный остов, железные кровати с постельным бельём и деревянные ящики с боеприпасами. Всё это тоже горело. Тушить пожар было нечем. Ни огнетушителей, ни песка, ни воды поблизости не оказалось. Вдруг раздался выстрел. За ним ещё один, и ещё — это начали взрываться патроны в ящиках.

— Бежим! — крикнул я Толику.

Мы выскочили из кухни и прыгнули в небольшой окопчик. Патроны рвались всюду, разбрызгивая трассирующие пули как новогодний фейерверк.

Мимо нас пробежал лейтенант-медик, в обязанности которого входило пробовать приготовленную пищу перед тем, как кормить ею солдат. Пробовал он её из тарелки, которую ему приносили, а приносили, естественно, не то, что варилось в общих котлах. Медик был всегда чистенький и пухленький. Я схватил его за сапог и рывком затащил в окопчик. Он шлёпнулся прямо в грязь, пытался приподняться, чтоб посмотреть на пожар, но я придавил ему голову рукой, как бы оберегая от свистящих пуль. Придавил, видно, слишком сильно. Он хрюкнул, ткнувшись носом в грязь.

Краскаву, Пуля-дура,
Пуля-дура?

К рассказу «Гадости Коктоштин»
(я во время службы в офицерской столовой)

Слева направо:
Заяц Сашка,
Кицун Сашка,
Я (в тилотке),
Телеин Шатаринов,
Генка Шимов (де-
лорус) сидит в
пилотке.

В пакете — мош-
ки, служивши
без военной
билетов по загранич-
ным паспортам (вех-
зисты).

Март-апрель 1980г. Недалеко от Дворца Амина

Личный архив автора.

В это время откуда-то из темноты выскочил человек и, как каскадёр, бросился в медленно затухающий огонь. Через несколько секунд человек вынырнул с другой стороны палатки, с двадцатилитровой канистрой в руках, и прыжками побегал в горы.

Постепенно пожар потух, патроны рваться перестали. Вокруг своего уничтоженного жилища бродили солдаты-хозвзводники. Лейтенант-медик ушёл умываться, пробурчав мне

«спасибо», а мы с Толяном вернулись в посудомойку, чтобы наконец-то помыть миски и кружки. Но нас ждал неприятный сюрприз — кто-то вылил воду, пытаясь тушить пожар. Гора грязной посуды была обречена ждать утра, когда приедет водовозка и наполнит баки.

Причина не работать была уважительной, и мы особо не расстроились, как вдруг кто-то вошёл в помещение столовой и, тихо ругаясь, задвигал стульями. Их было двое. Первый — «начальник кухни», прапорщик-осетин, второй — майор, «начальник тыла» всего полка.

— Всё сгорело, — жаловался майор осетину, — китель парадный, шинель, шмотки импортные, даже автомат сгорел.

— А у меня канистру со спиртом прямо из огня спёрли. Одна вот эта фляжка и осталась.

— Давай по чуть-чуть, — майор обречённо махнул закопчённой, измазанной в саже рукой.

— Эй, солдат! Дай кружки! — заорал осетин, повернувшись к занавеске, за которой прятались мы с Толиком.

Я бросился к мойке, но ни одной чистой кружки не нашёл. Схватил первую попавшуюся, огляделся в поисках тряпки, чтобы хотя бы протереть насухо, но и чистой тряпки поблизости не было. На бельевой верёвке висели свежестырированные кальсоны повара. Схватив одну из штанин, я принялся усиленно протирать грязную алюминиевую кружку, доводя её до блеска, как бармен в ресторане доводит свои бокалы. И в это самое время вдруг услышал за спиной злое шипение с осетинским акцентом:

— Ты шьто делае-шь?

Оглянувшись, я нос к носу столкнулся с начальником столовой. Бешено сверкая белками глаз, оскалив зубы, тот шарил рукой по кобуре в поисках пистолета.

— Застрелю, гада! — он выхватил оружие.

Я выпрыгнул на улицу и без старта рванул за угол. Прапор выскочил следом, пытаясь достать меня ногой, но споткнулся и упал. Раздался выстрел. Петля между палатками, я, как заяц, побив все рекорды, быстро скрылся в темноте. Отдышавшись за соседним холмом, вдруг вспомнил о друге Толике. Тот выскочил из столовой ещё раньше меня, в момент появления осетина за спиной. Флегматичный дылда Шахьянц сообразил, что нужно тикать, пока не пристрелили, и буквально растаял в ночи. Мы встретились с ним только через час в нашей маленькой палатке. Всю ночь рассказывали «бульбашам» и Мосину о своих злоключениях, а утром решили не возвращаться на кухню, даже под страхом командировки в Джелалабад. Уж лучше туда, чем «пуля-дура» или пуля от дурака.

БОЕВОЕ ЗАДАНИЕ (ИЛИ ОПЯТЬ КОПРЮШИН)

Утром явился наш капитан:

— Ну что, Татаренко, почему не на кухне?

— Товарищ капитан, мы всё-таки специалисты, а не официанты и не посудомойки. Мы же квалификацию теряем. Не сможем потом нести боевое дежурство.

Кэп смотрел на меня, ехидно ухмыляясь, видно уже знал о вчерашнем конфликте с начальником столовой.

— Ну ладно, сидите пока... Я подумаю, куда вас пристроить, — и ушёл в штаб полка. Вернулся он через час.

— Татаренко! Пойдёшь на полковой узел связи. Задача — изучить работу всей находящейся там аппаратуры, быть готовым нести боевое дежурство на заданном объекте. Срок — неделя. Не справишься — пеняй на себя. Экзаменовать буду лично. Посмотрим, какой ты специалист. Шахьянц пойдёт на «релейку». Хватит вам парочкой гулять.

На следующий день я, в сопровождении замполита Ложкина, прибыл на полковой узел связи — глиняный сарай на вершине горы, напичканный секретной аппаратурой: железными ящиками с лампочками, кнопками и тумблерами. На узле дежурили полковые связисты. Дежурство было организовано по графику — три смены по два человека. Мне повезло. В смене был мой земляк, сержант Олег Николаев из Новочеркасска. Узнав о моём задании, он дружески хлопнул меня по плечу:

— Не дрейфь, зёма, я тебя подготовлю. Знать ты, конечно, ничего не узнаешь, но дежурить сможешь. Запоминай и повторяй все мои действия, как обезьяна в зоопарке. Вот смотри: загорелась, например, вот эта лампочка — жмёшь вот эту кнопку; зазвенел звонок — щёлкаешь вот этим тумблером; услышал зуммер — два вот этих крайних тумблера вверх и синюю кнопку отжать. Всё здесь одно и то же, только повторяй в определённом порядке. За неделю запомнишь, только старайся.

И я старался. Ходил за своим «учителем» по пятам. Запоминал каждое его движение, не задавая лишних вопросов. И так с утра до вечера.

Моя зрительная память меня не подвела. Спустя шесть дней Николаев со своим напарником проэкзаменовали меня на предмет несения дежурства на узле. Они сидели, играли в карты. Я же сам, один, бегал по «сарая» вдоль аппаратуры, нажимал кнопки, щёлкал тумблерами, перетыкал штекеры согласно световым и звуковым сигналам.

— Молодец, Иван, дежурить сможешь. А своему капитану-снабженцу «чеши» что-нибудь про частоты, волны и так далее. Он всё равно не врубится. Глядишь, и прохляет.

На следующий день, спустя ровно неделю с начала моей «дрессировки», на узел пожаловал Копрюшин в сопровождении замполита Ложкина.

Усевшись на стул, кэп достал какую-то толстую книгу по электронике и, сделав умную морду, приказал:

— Начинай.

— Я уже давно начал, можете Николаева спросить, — отрапортовал я, слегка надменно.

— Так точно, два часа назад рядовой Татаренко заступил на боевое дежурство, — отчеканил Олег.

— Ну и как? Справляется? — поинтересовался замполит.

— Так точно. Справляется. Способен дежурить один, без дублёра.

Вдруг в правом верхнем углу одного из ящиков загорелась красная лампочка, и раздался резкий гудок. Я интенсивно бросился к нужному тумблеру, нажал пару кнопок, и гудок прервался.

— Ну и что это было? — спросил Копрюшин, заглядывая в свой «талмуд».

— Фотозуммер генератора частот по радиолинии релейно-телефонной связи, — отчеканил я первое, что пришло в голову.

Лицо замполита вытянулось и побелело. Он всё понял, в отличие от кэпа, так как был настоящим офицером связи. Ложкин посмотрел на сержанта. Но тот даже бровью не повёл. Раздался писк аппаратуры, я защёлкал тумблерами и уже смелее, даже с некоторой наглостью в голосе, изрёк:

— Перехожу на секретный диапазон второго допуска. Секретная связь включена!

Копрюшин испугался моего выкрика, так как не имел никакого разрешения для работы с секретной аппаратурой, то есть не имел права даже присутствовать на узле в данный момент. Он вскочил со стула, захлопнул свою книгу и молча вышел вон.

Замполит, проходя мимо меня, тихо процедил:

— Молодец, Татаренко! Не подвёл.

И, обернувшись к Олегу, сказал уже громче:

— А тебе, сержант, отдельное спасибо.

— Служим Советскому Союзу! — радостно гаркнули мы хором.

НА РЮКЗАКЕ

Капитан Копрюшин отстал от меня, затаив лютую злобу. Мы с Шахарьянцем продолжали ходить на дежурства. Я — к земляку сержанту Николаеву, Толик — на релейную станцию, где спал по двенадцать часов в сутки. Так прошёл апрель. Шофёры-белорусы и москвич Мосин сидели целыми днями в палатке на хозяйстве. Иногда ночью они дежурили истопниками у офицеров, а днём спали или наводили порядок на территории. Положенная нашему узлу техника всё ещё задерживалась в Союзе. Близились майские праздники, и пацаны решили отметить свою годовщину службы в армии и День международной солидарности трудящихся одновременно с Днём Победы. По такому случаю Сашка Кицун взялся приготовить брагу. Он достал у земляков на кухне дрожжи, сухофрукты, что-то ещё. Мы отдали ему весь свой сахар, полученный нами в сухпае вместо сигарет. И вот к Девятому мая брага была готова — сладенькая как ликёр, градусов шестнадцать-двадцать крепостью. Её разлили в армейские фляжки и попрятали по тайникам в палатке. Праздник удался на славу. Пировали ночью, откупившись от прапоров. За три фляги и закуску те забыли о нашем существовании. Браги было много. Мы напились до изумления, а она всё не кончалась. Пришлось спрятать остатки до другого подходящего случая.

Однажды ранним утром, когда я вышел умыться и справить нужду, в палатку нагрязнул Копрюшин. В этот самый момент Толик Мосин, интеллигент и книголюб, решил перепрятать подальше одну из своих фляг, чтоб не нюхать появившийся в воздухе запах дрожжей.

Он сидел на нижнем ярусе железных кроватей, держа в руке зловонную бутылку, и думал, куда бы её сунуть. Надо сказать, что к этому времени нас уже переселили в более просторную палатку.

Копрюшин влетел стремительно, как коршун. Он всегда так входил, пытаясь застать нас за чем-нибудь непристойным. Толик сунул пузатую посудину под одеяло верхнего яруса — туда, где ночью спал я. От постороннего предмета образовался бугорок.

— Чем тут у вас пахнет? — повёл длинным носом Копрюшин.

В это время из сортира вернулся я и, поздоровавшись, направился к своей койке. Заметив выпуклость, ничего не подозревая, я легонько дёрнул за край одеяла. Фляга грохнулась об пол прямо возле ног кэпа, обрызгав ему брюки и сапоги. По палатке пошло зловоние.

— Та-а-к! Это что такое?! А ну, все строиться!

Мы выстроились на улице кто в чём. У всех после вчерашнего болела голова, а во рту «насрали кошки». Утреннее майское афганское солнце беспощадно пекло головы. Кэп появился из палатки, держа в руках две фляжки — видно, нашёл по запаху. Он раздал нам проклятые посудины и приказал:

— Открыть пробки.

Мы открыли, в надежде, что он заставит нас выпить. Но не тут-то было.

— А теперь выливайте на землю, сволочи!

Зеленоватая «влага» струями полилась под ноги, обрызгивая всё вокруг.

— Твоя затея? — прошипел Копрюшин, подойдя ко мне вплотную. Я открыл было рот, но кэп завизжал:

— Молчать! Знаю, что твоя! Иди, собирай вещи, и на рюкзак!

«На рюкзак» означало ехать в одно из «горячих мест» — Джелалабад, Кундуз, Кандагар, где уже пропали два наших товарища — Коля Россомеха и Сашка Иванов, откомандированные туда кэпом ранее, в марте.

— Есть на рюкзак! — я шагнул в палатку. Оставшиеся стоять ребята попытались было «отмазать» меня, взяв вину на себя, но кэп опять завизжал:

— Молчать, сволочи! Я знаю, кто виноват! — и ушёл оформлять мне командировку.

Я сидел на своём тощем вещмешке возле ставшей родной палатки. Пацаны окружили меня и молча курили. В зловонных лужицах накопились слетевшиеся зелёные мухи.

— Да ладно, парни. Никто не виноват. Всё равно бы он меня рано или поздно сожрал, — успокаивал я загрустивших друзей.

— Ну, мы ему устроим, гаду. Сам повесится, — Толик Шахарьянц ошетирил усы.

— Такие не вешаются, — протянул Мосин.

— Таких вешают, — выдал Кицун.

— Или отстреливают, — поддакнул Заяц.

— Или ещё что-нибудь, — добавил третий белорус, кудрявый Генка Шилов (спустя тридцать лет он стал полковником милиции одного из районов Минска).

— Гляньте, замполит бежит, — Шахарьянц указал в сторону офицерской палатки.

Ложкин быстро подошёл и окинул нас суровым взглядом, но в его глазах я всё-таки заметил обнадеживающие искорки:

— Ну что, раздолбай? Допрыгались? Сидишь? — обратился он ко мне.

— Так точно! Жду попутного БТРа в Джелалабад, — ответил я за всех и за себя сразу.

— Отставить.

— Как отставить? Капитан приказал.

— А я говорю, отставить. Марш в палатку!

— Так он по званию вас старше. Как же вы можете отменить приказ?

— Зато я замполит и парторг. На мне ответственность за будущую связь. Дадут вместо тебя узбека — кто тогда будет связь качать? Копрюшин? Дудки! Так что давай, распрягайся и марш в палатку. Сидите тихо, не дёргайтесь. Получен приказ, через неделю переезжаем в Баграм. Так что готовьтесь. А ты, — обратился он вновь ко мне, — выкопай яму под туалет. Вон там, на склоне, где камни. Это и будет твоё наказание. Но смотри, Татаренко, больше заступаться не буду. Твоё счастье, что ты связист. Без связи всем крышка, а то б я тебя сам покарал. Каждый должен находиться на своём месте. Там, где от него больше пользы.

— Есть выкопать яму! — весело крикнул я, соскакивая с вещмешка.

— Ур-р-ра-а! — грянули пацаны. — Спасибо, товарищ лейтенант, мы за вас любого порвём!

— Не надо никого рвать. Будьте серьезнее. И не дразните, пожалуйста, капитана. Мне с ним служить.

— Всё, товарищ лейтенант, пальцем не тронем, — заверил Кицун.

— Что-о-о? — нахмурился Ложкин.

— Я хотел сказать, что мы будем серьёзными. Жить будем только по уставу.

— Ну, смотрите у меня! — замполит пригрозил пальцем. — Всё! Разойдись!

Он пошёл к себе в офицерскую палатку — маленький, жилистый, в огромной фуражке. Мы смотрели ему вслед, как смотрят на старшего брата. Старшего и младшего одновременно. Для нас он был не просто «литёха-замполит», а офицер, которого мы готовы были закрыть собой в бою. Позже я узнал, что капитан в отместку задержал Ложкину присвоение очередного звания.

Через неделю наш доблестный Спецусел связи, так и не дождавшись техники из Союза, перекочевал в Баграм, где нас прикомандировали к ташкентской ракетной бригаде, введённой в Афганистан для устрашения Америки. До отъезда я успел-таки выкопать небольшую ямку там, где указал лейтенант, и даже сколотили с ребятами из каких-то дощечек подобие «дачного сортира», но весь этот «шедевр солдатского творчества» смыл первый же весенний афганский ливень.

В Баграме меня с Шахарьянцем и Мосиным распределили на дежурства по соответствующим станциям. Началась настоящая служба, к которой нас готовили в ростовской учебке.

Мы обеспечивали связью сразу несколько военчастей: десантный полк, автобат, вертолётчиков, артиллеристов...

Об этом периоде, длившемся полгода, я расскажу в следующей части своей повести. Она называется «Баграмские рассказы».

ГЛАВА 2

«БАГРАМСКИЕ РАССКАЗЫ» ДУРНОЙ ПРИМЕР

Наша маленькая секретная часть из двенадцати человек была прикомандирована к десантному полку, охранявшему Баграмский аэродром.

Мы «давали связь» как десантуре, так и другим подразделениям Ограниченного контингента советских войск в Афганистане.

Я дежурил на автомобильной станции ЗАС (засекречивающая), выполняя обязанности за двоих. Русских не хватало, а специалистов других национальностей почему-то не готовили. Сидел я в маленьком отсеке автостанции, втиснувшись между коммутатором и стенкой кунга-будки, напичканного секретной аппаратурой. Под сиденьем лежали восемь килограммов динамита — небольшие розовые кирпичики, похожие на куски хозяйственного мыла. По инструкции, в случае угрозы захвата станции душманами, я должен был поджечь бикфордов шнур и убежать в укрытие на расстояние двести метров, при этом длина шнура составляла тридцать сантиметров... вместо положенных шестидесяти. Наши командиры-прапорщики обрезают его для подстраховки. Нам же говорили:

— Жить захочешь, убежишь! Не успеешь — улетишь!

Или взрывной волной накроет, или свои же чем-нибудь сожгут.

Станция должна была быть уничтожена при любом раскладе.

В мою смену меня охранял «молодой» пацан — вчерашний школьник. Его не брали на «боевые выходы» из-за маленького срока службы, но доверяли охрану станции.

Наши несколько машин-аппаратных стояли на небольшой возвышенности и на некотором удалении от основного расположения полка (это чтобы легче было нас уничтожить в случае угрозы захвата в плен).

Через поле, покрытое колючками, торчащими из толстого слоя горячей пыли, виднелись палатки автобата, а немного в сторонке — так называемая «царандоевская батарея»: три пушки и глиняный барак, в котором «отбывали» армейскую службу афганские солдаты — «комсомольцы», в большинстве своём безграмотные дехкане, согнанные сюда силой из окрестных кишлаков. Душманы были частыми гостями у царандоевцев, как-никак единоверцы. Они вели агитацию, переманивая солдат в банды.

Однажды ночью обнаглевший «дух»-диверсант заполз на поле между нами и автобатом, произвёл очередь из автомата в одну и в другую стороны и быстро пополз обратно к своим в барак. «Наши» открыли огонь друг в друга, думая, что это настоящее нападение.

Мой солдатик-охранник малость струхнул, залёг под колесо автостанции, закрыл голову руками и лежал так, причитая и молясь своей маме. Пришлось вмешаться. Так как на дежурство мы, телефонисты, ходили без оружия, то, в нарушение всех инструкций, я открыл бронированную дверь кунга станции, где сидел за коммутатором, спрыгнул на землю и, подхватив брошенный моим «телохранителем» автомат, дико матерясь, выпустил весь рожок в поле, целясь в середину и края. Пока стрелял, понял, что внутри меня разгорается пламя, от которого испытываю неизведанный ранее восторг и наслаждение. Мне было приятно стрелять! Я даже немного испугался своего порыва, поэтому пнул лежавшего солдатика в бок, сунул ему автомат и крикнул:

— Вставай, сука! Стреляй, а то убью на... — сам быстро спрятался обратно в станцию. Схватив оружие, боец со страху выпустил в поле подряд два рожка патронов, матерясь так, что

удивил даже меня. Вскоре стрельба утихла, и все затаились до утра, напряжённо вслушиваясь и вглядываясь в темноту. Утром на краю поля нашли изрешечённого пулями «духа». Не дополз гад до царандоевского барака каких-нибудь десяти метров. Никто из «наших», слава богу, не пострадал.

Вскоре моего «крестника» взяли на настоящую боевую операцию, где он отличился, прикрывая отход товарищей, но получил за свой героизм не награду, а взыскание, так как во время боя страшно матерился, кроя последними словами не только «чужих», но и «своих». Мой дурной пример оказался заразительным, но крайне полезным в боевых условиях, как лекарство против страха.

Я же, вспоминая свои ощущения, которые испытал во время стрельбы по «духу», понял, что хочу и могу воевать. Но на память вдруг пришли слова замполита, произнесённые в Кабуле: «Без связи всем крышка. Каждый должен находиться на своём месте. Там, где от него больше пользы».

«ПОРЫВ»

Во время моего очередного отдыха между дежурствами Копрюшин устроил мне очередную пакость. По долине, где находился наш палаточный городок, связь между постами и объектами прокладывали простым телефонным проводом, слегка прикопав его в каменистом грунте под тонким слоем глины и пыли. Бронемашин и танки часто рвали колёсами и гусеницами тонкие проводки, вырывая их целыми кусками. Специальное подразделение связистов другой военчасти занималось восстановлением линий. Нас же, спецов ЗАС, эти проблемы не касались. Мы несли своё «боевое дежурство», где были незаменимы. Обычно какой-нибудь солдат из спецподразделения, под охраной другого, шёл, пропуская через брезентовую перчатку на одной руке уже проложенный, требовавший восстановления провод. В другой он нёс небольшую железную катушку с новым проводом для ремонта. Найдя порыв, связист сращивал один конец с катушкой, а затем, найдя в пыли второй кусок, соединял его с первым, опять же через катушку. Сама операция была несложной. Главное было — успеть закончить её до темноты. Дело в том, что постоянное освещение существовало только в палаточном городке, а остальная долина до самых гор лишь «простреливалась» огромными прожекторами, скользящими по земле в поисках крадущихся душманов.

Наш капитан случайно стал свидетелем возникшей проблемы из-за такого вот очередного порыва. Он сам предложил свои услуги по устранению аварии, хотя никто его об этом не просил. Конечно же, он припахал в это дело меня:

— Татаренко! Ты у нас связист, так что давай, вперёд. Нужно срочно сделать.

— Так темнеет уже.

— А ты бегом-бегом и быстренько назад. Автомат не бери — так оно быстрее будет. Всё. Выполнять!

— Есть выполнять.

Делать было нечего — приказ командира, да ещё в боевой обстановке, закон для подчинённого. Схватив ремонтную катушку, я бросился в сторону гор, периодически выдёргивая другой рукой чуть прикопанный провод, надеясь, что быстро устраню порыв и назло кэпу успею вернуться к ужину. Но мне не повезло. После получасового бега трусцой я остановился, весь мокрый от пота, покрытый слоем размазанной по голому торсу пыли, и, оглянувшись по сторонам, с ужасом увидел, что наш палаточный городок еле виден, а горы, к которым я бежал, где находился оставшийся без связи блок-пост, так и стоят на месте, совсем не приблизившись. Так бывает из-за очень прозрачного горного воздуха. Кажется, протяни руку — и вот они, горы. А на самом деле до них ещё ого-го...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.